

Б.А. Кушнер

**Столицы Запада. Для детей
старшего возраста**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 91
ББК 26.8
Б11

Б.А. Кушнер
Б11 Столицы Запада. Для детей старшего возраста / Б.А. Кушнер – М.: Книга по Требованию, 2021. – 131 с.

ISBN 978-5-458-30395-8

Книга представляет собой сборник небольших очерков, путевых заметок о главных столицах Европы: Берлине, Париже, Лондоне начала XX века. Автор писал для детей старшего возраста, просто и интересно рассказывая о указанных городах, их архитектуре, достопримечательностях и жизни. Текст иллюстрирован фотографиями Берлина, Парижа, Лондона конца 20-х начала 30 годов XX века. Оглавление в полной новости.

ISBN 978-5-458-30395-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

прочие предприятия в таком изобилии, что их хватило бы, чтобы составить цветущую промышленность любой небольшой страны.

Классовые противоречия между господствующей буржуазией и эксплуатируемым пролетариатом выявлены в Берлине с потрясающей очевидностью. Они резко бросаются в глаза каждому приезжему, которому случится побывать в различных частях города. Они поражают всякого советского гражданина, впервые попавшего в Берлин, забывшего или никогда не видавшего отвратительных картин капиталистического неравенства.

Рабочие и промышленные районы Берлина внешним своим видом и оборудованностью сильно отличаются от кварталов торговых и в особенности от тех, где живет буржуазия. Улицы, отведенные под рабочих, выложены гранитной брусчаткой, буржуазные же кварталы сплошь залиты асфальтом. Здесь в асфальте все — улицы, площади и дворы. Все, кроме тротуаров. В Германии тротуары не заливаются асфальтом. Их выстилают большими каменными плитами или мозаикой из мелких камешков.

ЧТО СКОЛЬЗИТ ПО АСФАЛЬТУ БЕРЛИНСКОМУ

Асфальт берлинский, днем и ночью полируют и накатывают сто тысяч автомобилей. Неумоимо и настойчиво, из месяца в месяц, из года в год работают над уличным асфальтовым паркетом эти полотеры внутреннего сгорания. Результат их работы представляет собою, быть может, самую наглядную достопримечательность современного Берлина. Натертый пневматическими шинами, асфальт блестит, как черная полированная крышка рояля. В ясные дни на поверхности его между колес машин и ног прохожих вспыхи-

вают и снуют солнечные зайчики. Вечером в черном асфальте встает второй отраженный Берлин. Уличные фонари вытягиваются вниз и кажутся длинными тонкими стержнями, свободно висящими в пространстве. Отражаются все источники света, витрины, подвижной огонь реклам, блуждающие огоньки такси, автобусов, трамваев.

В малоезжих улицах асфальт стоит, как освещенная вода каналов, и тихие живые кварталы преобразуются на ночь в небывалую Венецию. Площади чопорно и ровно вымощены черными зеркалами. На живых артериях, переполненных движением, на бойких перекрестках свет дрожит и зыблется в глубине панели. Асфальт кажется влажным, мокрым, как после дождя. Под давлением шин и под ударами ног разбрызгивает искры.

Лучшая из всех центральных берлинских улиц — Тиргартенштрассе. Одну сторону ее образуют высокие, задумчивые липы огромного парка, раскинувшегося в самом центре столицы, как последний остаток некогда сплошных лесов, покрывавших древнюю провинцию Бранденбург. По другой стороне Тиргартенштрассе стоят кокетливо драгоценные каменные особняки финансовых королей, промышленных магнатов и виллы разных посольств. Они прикрываются небольшими, пестрозелеными цветниками и вычурными декоративными садиками, обнесенными железными решотками, на которых выведен самый хитрый узор, какой только способны сделать искуснейшие кузнецы-орнаментальщики старой промышленной Германии.

Тиргартенштрассе соединяет центр города с его богатейшей буржуазнейшей частью. В часы уличного половодья машины идут по ней сплошным потоком, по три в ряд, в ту и в другую сторону. Асфальт вылощен до того, что не только фонари, но и липы отражаются по самую маковку.

Аккуратные и сдержанные берлинские шоферы не выбрасывают руки на поворотах, как это принято у нас. Каждый автомобиль в Берлине снабжен небольшим автоматическим семафорчиком. Семафорчик поднимается и опу-

скается, как-будто машет легким крылышком. Ночью, поднимаясь на поворотах, семафорчик зажигает красный огонек. Огоньки ракетами вспыхивают и летят на закруглениях по Спирали. Одних автомобильных огней в Берлине достаточно было бы, чтобы освещать улицы.

Во второй половине 1923 года, после того как французы заняли своими войсками сердце Германии — Рурскую область, в которой сосредоточены каменноугольная, металлургическая и химическая промышленность, экономическое положение страны стало катастрофическим. Первый европейский миллиардер американской складки — Гуго Стиннес, разбогатевший на военной спекуляции, забрал в свои руки управление большинством немецких предприятий, а вместе и фактическое управление страной. Промышленность и торговля пришли в состояние застоя. Деньги неслыханно упали в цене. Миллион марок стал мелкой разменной монетой, счет шел на миллиарды и даже на биллионы. Фактическая заработная плата опустилась ниже прожиточного минимума, т. е. германский рабочий получал за свой труд меньше того, что нужно для поддержания жизни и для восстановления израсходованных на работе сил. Германский пролетариат, в буквальном смысле слова, должен был своею кровью и своею жизнью оплатить военную оккупацию Франции и «мирное» завоевание Германии Стиннесом.

К осени положение стало настолько напряженным, что рабочий класс Германии, несмотря на всю свою выдержку, выступил против буржуазии, хотя момент для такого выступления был в общем мало благоприятен и шансов на революционный успех было не много. В Кастрине, Гамбурге и Берлине произошли кровавые уличные бои. Они кончились поражением немецких рабочих и разгромом рабочих организаций. Но вместе с тем они показали изумительную стойкость германских пролетариев, их выдержку и отвагу в классовых боях. Осень 1923 года навсегда останется блестящей, хотя и печальной страницей в истории борьбы рабочего класса против буржуазии.

В августе месяце, накануне революционных выступлений, общее собрание берлинских фабзавкомов почти единогласно голосовало за объявление всеобщей забастовки. Забастовка не вышла всеобщей. Ее сорвали социал-демократы, не упустившие и на этот раз случая в самый грозный и в самый тяжелый для рабочего класса момент продать его интересы буржуазии. Однако многие фабрики и городские предприятия все же прекратили работу. На железнодорожных линиях, примыкающих к берлинскому узлу, рабочие волюнили и вели систематический саботаж. Поезда приходили и уходили вне всяких расписаний. Буржуазный Берлин сильно лихорадило, а берлинские рабочие — желтолицые, высохшие от систематической голодовки, по-особому сверкали глазами и говорили необычайные слова. Возвращаясь домой с работы на своих велосипедах, они отпускали на центральных улицах шаркающей по панели разодетой толпе такие обещания, что тонконогие женщины в мехах шарахались в стороны, а тучные спекулянты спешили домой и торопясь принимали срочные меры к отъезду в какую-нибудь соседнюю, менее подверженную революционным волнениям страну.

К вечеру забастовала гигантская электрическая центральная станция в Моабите. Весь шикарный Запад до самого неба ушел в чернила осенней ночи. Дома стояли безглазые. Подъезды кафе, кино-театров и ресторанов, лишенные: электрических слов и восклицаний, погрузились в глухое безмолвие. В гостиницах гостям выдавали вместе с ключом от номера парафиновую свечку в подсвечнике и коробку спичек. Вокзалы?.. Никто не мог сказать с достоверностью, отходят ли с них поезда или нет. Железнодорожные виадуки — мосты, по которым рельсовый путь пролегает среди городских домов, — пересекая площади и улицы, продолжали еще грохотать, но в черной мгле нельзя было различить, шум ли это от движения поездов или отдаленный гул, нарастающих революционных событий. Сплошными рядами пятиэтажные дома, как черные караваны каменных верблю-

дов, нервно шагая, ушли в беспредельное пространство пустынь. Безглазые, бесформенные, черные улицы умерли. И лишь одни автомобильные фары остались жить на этом свете.

В шикарной аллее улицы Курфюрстендамм забастовочная ночь чудила, как и везде. Раздвинула, разогнала неизвестно куда шпалеры домов, стволы деревьев вытянула вверх так, что в черноте нельзя было рассчитать, чем они кончаются. Уничтожила все. Только один асфальт не поддался. Блестел лошениый, белый от света, как лунный диск, как река расплавленного металла. Он шуршал, трепетал и искрился под тысячами автомобильных фар. Фары есть фары. Особого пристрастия к асфальту у них нет. С одинаковой старательностью освещают они все, что попадает в струю света — каменный край тротуаров и узорные цоколи фонарных столбов, стволы деревьев, чугунные столбики и гнутые прутья, ограждающие стриженные газоны. Но сильней и напряженней всего освещали фары человеческие ноги. В этот вечер они были такие нервные, то ропливые и так неуверенно мелькали между развевавшимися полами одежды. На углах, на перекрестках не различимы были усиленные полицейские патрули. В освещенной полосе видна была лишь безукоризненно начищенная форменная полицейская обувь да тяжелые деревянные кобуры маузеров, понуро висевшие на зеленых самоуверенных полицейских задах. В эту ночь прохожие не останавливали друг друга, так как в густом мраке нельзя было отличить своего от чужого. Только одни автомобили, снабженные светящимися глазами, как глубоководные океанские чудовища, чувствовали себя превосходно и узнавали в лицо своих знакомых.

Мировая война для многих неожиданно выявила исключительные возможности автомобиля как новейшего боевого средства. Броневой автомобиль обеспечил успех первых стремительных атак немецких войск. Привезенный из Америки тяжелый гусеничный танк ускорил окончательный раз-

гром и поражение Германии. Февральская и Октябрьская революции в России показали, что безвозвратно прошло романтическое время уличных баррикад. Баррикады играли еще большую роль в московском декабрьском восстании, в героических боях на Пресне в 1905 году. В 1917 году мы не строили баррикад. Наши уличные бои были полны движения. Основным, главным могучим средством их был автомобиль — легковой с революционными солдатами на крыльях, и грузовой, вооруженный пулеметом. Неудавшаяся благодаря противодействию социалдемократии берлинская забастовка показала световую независимость и световую силу автомобильных фар.

На главных улицах Берлина, на больших площадях машины, автобусы, трамваи с трехзначными номерами маршрутов режут и теснят друг друга и расплескивают в стороны оторопелых прохожих. В иные часы уличное движение грозит стихийно разлиться в неудержимое половодье. Того и гляди, что автобусы полезут на тротуары, прохожие застрянут между трамвайными колесами, все сгрудится, перепутается, и ввек не разберешь, что к чему и что откуда. По неволе пришлось пуститься берлинскому самоуправлению на разные хитрости по части регулирования движением. Переносные семафоры, подобные тем, которые в виде опыта стояли кое-где на московских перекрестках и затем бесследно исчезли, встречаются в Берлине во множестве и прочно занимают свои позиции. Они лучше сделаны, чем московские, более усовершенствованы и несколько походят на железнодорожные. При них полицейские теряют свою военную выправку и бравоый усмирительный вид и принимают облик вполне миролюбивых стрелочников. На площади Потсдамерплац, самой оживленной в немецкой столице, соорудили большую башню. На вышке ее за квадратными зеркальными стеклами стоит полицейский и на четыре стороны зажигает круглые огни — красные, синие и белые. На оживленных перекрестках посредине мостовой вделаны в землю светящиеся электрические полушария в толстой

железной оправе. При въезде на Будапештерштрассе воздвигли было даже небольшой маяк, с настоящим мигающим морским фонарем на верхушке. Он не прижился, впрочем, этот маяк, и его сняли. Теперь на месте этом стоит белый чугунный столб-волнорез с отличительным красным пояском. На трамвайных проводах, на проволоках, протянутых над перекрестками, висят удлинненные трехцветные четырехгранные фонари. У них много круглых светящихся глазков, и каждый глазок защищен щитком, как черными длинными ресницами. Висящие сигнальные фонари формой похожи на железные ананасы, неизвестно зачем и как созревшие в берлинском совсем не ананасном климате. Двенадцать цветных огней каждого из этих фонарей зажигаются и гаснут, чередуясь в нужной последовательности. Чтобы управлять сложным ритмом зажиганий, на тротуарах поставлены зеленые электрические тумбочки. Внутри у них тикает механизм, в крышку вделаны измерительные приборы. Вставляющимся сбоку ключом, полицейские по мере надобности то пускают в ход механизм, то останавливают его.

Все, что проносится по асфальту и шагает по тротуарам, представляет собою отнюдь не главный поток, движения берлинского населения. В основной своей массе сообщение между районами поддерживается железными дорогами: надземной и подземной. В Берлине более 200 вокзалов. Дальние поезда, направляющиеся с запада на восток и с востока на запад, останавливаются последовательно на пяти городских вокзалах. Каждый из этих вокзалов пропускает в сутки не менее тысячи поездов дальних, пригородных и городских. Дальние задерживаются на вокзалах минуты 2 — 3, городские же и пригородные — не более 20 секунд. Все железные дороги Берлина электрифицированы.

Асфальт, машины и автобусы, железнодорожные поезда — все это знакомые нам вещи: у себя дома видели. Даже электрифицированную железную дорогу можно видеть на участке Москва — Пушкино. Разница между нашими и берлинскими способами передвижения по поверх-

ности земли заключается главным образом в количестве, в масштабе, да и в том еще, что нет здесь ничего рваного, битого, ломаного и заплеванного. У нас новенький автобус, только что выпущенный с завода или привезенный из таможни, через три дня снует по улицам с помятым боком, исцарапанным лаком, отбитыми колпачками на колесах. Мы еще не научились уважать в вещах свой собственный труд, мы их быстро портим и изнашиваем. На берлинских улицах все чисто, аккуратно и цело.

Совершенно невиданные и пока еще не свойственные нам вещи начинаются под землей. Здесь заложена сеть узких и мрачных туннелей, закругляющихся вглубь черными плавными поворотами. Чуть мерцают желтые электрические огни, маячит серый камень стен и железо-бетон сводов. По дну туннелей аккуратными ровными живыми ручейками проложены стальные рельсы. Они блестят и шевелятся далеко впереди, как усы подземного чудовища. Шум надземного уличного движения проникает сквозь своды и гуляет по гулким туннелям, как гром катастроф, как грохот обвала. По черным руслам туннелей непрерывными каскадами сбегают желто-красные электрические поезда и вливаются, замедля ход, в светлые озера подземных вокзалов. Перроны наполнены убегающей и прибегающей толпой. Среди мутно-серого подвижного ее однообразия, как тихие острова, цветут и светятся киоски с газетами и книгами, с табачными изделиями, сладостями и прохладительными напитками. В часы наибольшего движения поезда пролетают, едва задерживаясь, через каждые две минуты. Их стук и лязг кажутся тихим рокотом в грохоте стальных сводов, заливающих подземку шумом городских улиц.

Воздушная вентиляция под землей поддерживается вертикальными окошками-колодцами, врезанными в стены туннелей и выходящими на дневную поверхность на тротуарах. Их прямоугольные отверстия прикрывают густые и прочные двойные железные решетки вделанные в панель. Подземный поезд, скромно и учтиво рокочущий на своих под-

земных вокзалах, проскакивая мимо вентиляционного люка, выпускает в него такой стремительный ураган дикого свиста и лязга стали, что непривычный прохожий, очертя голову, бросается в сторону и с бьющимся сердцем дико озирается на взревевшую зверем у ног его решетку.

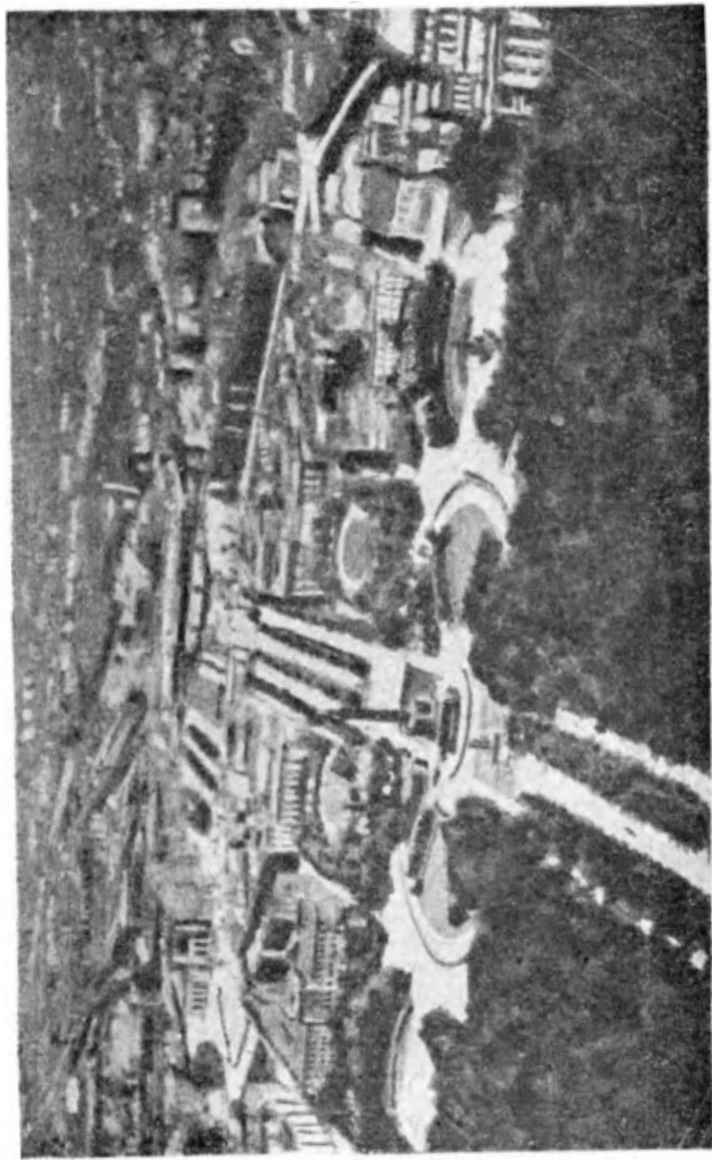
Так с утра до глубокой послеполуночи перекликаются городские берлинские улицы с подземкой, глуша друг друга тысячесильными голосами.

В некоторых районах города подземному поезду надоедают черный мрак и немолчный истошный рев железобетонных перекрытий; тогда он отважно забирает в гору, пробивается сквозь толщу мостовой и благополучно вылезает наверх. По улицам ему, однако, бегать нельзя — простора нет, да и полиция не позволит. Поэтому прямо из-под земли он лезет на высокий железный путепровод-виадук, похожий на бесконечно вытянувшийся, извивающийся вдоль улиц, скверов и каналов, мост. По виадуку бывший подземный поезд мчится дальше между верхними этажами домов.

ЧТО ТВОРИТСЯ В ЦЕНТРЕ, ЧТО ПРОИСХОДИТ НА ОКРАИНАХ

Районы Берлина расположены относительно стран света так же, как и районы других буржуазных европейских столиц — Парижа и Лондона. Центр города, как водится, торговый. Здесь же большинство правительственных учреждений. С севера, с востока и с юга надвигаются на центр рабочие кварталы и фабрично-заводские окраины. На западе живет буржуазия и неизменный спутник ее — обыватель среднего достатка.

Торговля, как известно, — самое оживленное и подвижное занятие на свете. В торговом центре города сильнее всего

Центр Берлина, как и других столиц Запада, занят торговлей и правительственными учреждениями. С севера, с востока и юга надвигаются рабочие кварталы. На западе живет буржуазия.